

К вопросу о российской экспериментальной психологии в первые годы XX в.

Стоюхина Наталья Юрьевна

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия*

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент истории развития экспериментальной психологии в дореволюционной России. Начавшись с экспериментальных лабораторий при университетах в Казани, С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Новороссийске, недостаток экспериментально-психологической деятельности стал обсуждаться на историко-филологических факультетах университетах теми преподавателями и студентами, кто жаждал глубже изучать психологию. После введения уроков психологии в гимназии стали образовываться экспериментальные лаборатории, изучавшие психическую деятельность ребенка.

Ключевые слова: Экспериментальная психология, лаборатории экспериментальной психологии, Г.И. Челпанов, психологический институт, В.М. Бехтерев, Психоневрологический институт.

To question on Russian experimental psychology during early XX century

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The article discusses the fragment of history of development of experimental psychology in pre-revolutionary Russia. Having begun with experimental laboratories at universities in Kazan, Saint-Petersburg, Moscow, Kiev, Kharkiv, Novorossiysk, the lack of experimental-psychological activity was under the discussion on historical-philological faculties of universities those lecturer and students who wanted to study psychology. After introducing the psychology lessons at gymnasiums the experimental laboratories studied psychical activity of children are appeared

Keywords: experimental psychology, experimental psychology laboratory, G.I. Chelpanov, psychological institute, V.M. Bekhterev, Psychoneurological institute.

Историки психологии (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, А.Н. Ждан, В.Н. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, К.А. Рамуль и др.), говоря о развитии психологии в России, называют два направления ее развития: эмпирическое и экспериментальное. Известны первые экспериментальные лаборатории: «Казанская и Санкт-Петербургская психо-физиологические лаборатории, созданные В.М. Бехтеревым (1885 и 1894), психологическая лаборатория при Московском университете, возглавляемая С.С. Корсаковым и А.А. Токарским, Киевская лаборатория, основанная И.А. Сикорским, Харьковская, созданная П.П. Ковалевским, лаборатория в Тартусском университете, возглавляемая Э. Крепелиным, а позже – В.Ф. Чижом, а также лаборатории, созданные Н.Н. Ланге в Новороссийском (1892) и К. Твардовским в Львовском (1900) университетах, психолого-педагогическая лаборатория, основанная А.П. Нечаевым в Санкт-Петербурге (1901) и т.д.» [11, с. 21-22], где «развивались технические средства и экспериментальное оборудование, расширялись возможности исследователя, его проникновение в сущность рассматриваемых явлений» [Там же, с. 32]. Конечно, было бы интересно рассмотреть деятельность этих лабораторий, хотя, безусловно, о некоторых лабораториях написано (например, Е.А. Будилова подробно проанализировала работу Н.Н. Ланге в его лаборатории, М.А. Акименко писала о психоневрологическом институте, о работе лаборатории А.П. Нечаева писал он сам и его сотрудники и т.д.), но нам показалось важным проследить, как усиливались позиции экспериментальной психологии в России от начала XX в. до революционных событий.

Становление психологии в России в конце XIX-начале XX вв. происходило на нескольких уровнях, важнейшим из которых было преподавание психологии в высших учебных заведениях. Традиционно в дореволюционной России научная психология была представлена в духовных академиях, университетах и военно-медицинских академиях, но разногласия по содержанию подготовки психологов были существенные. Рассмотрим три научных и учебных центра дореволюционной России: Москву, С.-Петербург и Киев, где были и университеты, и духовные академии, и психологические экспериментальные «площадки» в виде институтов или обществ [14, 16].

Выпускник С.-Петербургского университета В. Росинский отмечал, что при всей разности мест нахождения научной психологии было нечто сходное –

несамостоятельность психологии в стенах учебных заведений: «в Духовной академии ее подавляло богословие, в университетах (историко-филологический факультет) – философия, а в Военно-медицинской академии и на медицинских факультетах она изучалась в виде психопатологии и психиатрии» [12, с. 563]. Психологи, при всех разногласиях, все же были единодушны в следующих пунктах: «1. Психология, как и всякая другая наука, есть самостоятельная отрасль знания, независимая ни от метафизики, ни от физиологии. 2. Так как душевные процессы неизбежно связаны тем или другим образом с телесными, то для психолога необходимо знание и некоторых естественных наук, помимо знакомства с философией, другой ближайшей соседкой психологии. 3. Психология должна быть построена, как и остальные науки, на опыте, т.е. должна разрабатываться с помощью экспериментов» [там же].

В университетах психология читалась на историко-филологическом факультете на кафедре философии как философская пропедевтика, наравне с логикой. В. Росинский писал о губительности для психологии такой служебной роли, отрицательно отражающейся на ее судьбе, «так как нигде нет большей разноголосицы, как в философии... То или другое направление, господствующее в данную минуту в факультетской философии, диктует психологии все – и методы, и взгляды, и конечные выводы. Естественные науки на историко-философском факультете не читаются – психология оказывается, следовательно, подчиненной философии, но еще и совершенно изолированной от естествознания дисциплиной. Экспериментальная разработка проблем, постановка в университетах невозможны, так как нет ничего похожего на богато обставленные кабинеты и психологические лаборатории западноевропейских заведений. Единственным аппаратом, которым предоставляется оперировать нашим психологам, служит собственный указательный палец, глубокомысленно приставленный ко лбу...» [там же, с. 564]. Позже Г.И. Челпанов называл фатальным положение с отсутствием лабораторий во многих русских университетах, тогда как в средних школах их до пятидесяти [23], что же касается постановки эксперимента в университете, то лучше всего дело обстояло в Психологическом институте имени Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете, открытым благодаря «кипучей деятельности проф. Челпанова» [4, с. 70].

Сделать это было нелегко по многим причинам. Во-первых, учебная нагрузка будущего психолога была огромна: на первых двух (общих) курсах историко-филологического факультета читалось около 50-55 часов обязательных лекций в неделю. Из них 3 часа отводилось на историю философии, 2 часа – на логику и 2 часа – на психологию. Остальное время

предназначалось для изучения исторических наук, трудов классиков и филологии. «Курс историко-филологического факультета считается одним из трудных; по крайней мере, из 150-200 первокурсников государственные экзамены выдерживают человек 20-25. Таким образом, для дополнения психологических познаний времени после обязательных предметов остается очень мало. Искать дополнительных знаний приходится вне факультета и почти без руководства – поэтому и труда затрачивается много, и результаты невелики. На двух последних (специальных) курсах дело обстоит еще хуже: философского отделения не имеется, а философия прикомандирована либо к историческому, словесному отделению (психологии уже нет, кроме случайных лекций приват-доцентов философии). Поэтому студент-психолог должен сделаться еще специалистом либо по истории, либо по словесности, т.е. работать в двух семинариях по весьма далекому от его психологии предмету и сдать несколько рефератов. Обязательное кандидатское сочинение позволяет писать по философии, т.е. студент-психолог должен сделаться еще специалистом по философии и умудриться при этом найти время для занятий по своему предмету, чтобы сделаться, наконец, специалистом и по психологии. Для среднего студента выдержать подобную триаду специальностей почти невозможно без риска остаться дилетантом во всех областях. Во всяком случае, после университета приходится переучиваться заново уже по естествознанию» [12, с. 564].

На медицинских факультетах, как и в Военно-медицинской академии, «нормальная психология не проходит, а разрабатывается лишь в отделах, примыкающих к психопатологии и к учению о нервных болезнях» [там же, с. 565]. «Тем не менее, эта часть психологии находится здесь в несравненно лучших условиях, чем в университетах, уже хотя бы потому, что разрабатывается учеными, привыкшими к методам естествознания. Однако тесная зависимость от физиологии кладет свой отпечаток на успех психологических работ – психология превращается, в конце концов, в психофизиологию и не имеет самостоятельного места, что приводит к несколько странному положению: студентам-медикам читают психопатологию, т.е. науку о ненормальных психических явлениях, в то время как норма, общая психология, совершенно неизвестна слушателям», – писал В. Росинский [там же]. Правда, здесь также были введены курсы психологии, но только для студентов, пожелавших специализироваться по ней. Серьезным недостатком при обучении на медицинских факультетах было полное отсутствие гуманитарных наук и философии, необходимых для самостоятельных исследований в этой обширной научной области, связывающих философию и

гуманитарные науки с естествознанием. Все это указывало на необходимость создания особого цикла наук, с психологией в центре, где изучался бы человек со всех сторон и во всех своих проявлениях.

В. Росинский сетовал на то, что наука в России не уделяет внимания человеку: «Человек, и особенно человек в России, долго ждал чести сделаться предметом особого изучения и внимания. А между тем это так важно, так необходимо понять, изучить человеческую душу. И в особенности для нас, для русских...» [там же, с. 566]. Указывая на национальные черты – всероссийская обломовщина, распустиха, он заявляет, что «нам, больше, чем другим народам, важно изучить человеческую психику, понять, где скрываются слабые стороны ее, в чем состоит сила, а затем применить эти познания к воспитанию новых поколений, и созданию молодого, мощного народа, которому не стыдно было бы находиться в семье европейских наций. Ведь если естествознание творит чудеса в технике, то почему же этого не может сделать психология в области воспитания – силы природы всюду одни и те же; надо лишь понять законы, управляющие ими; тогда ничего не будет стоить и подчинить их, и господствовать над ними» [там же].

Профессор А.Н. Гиляров, возглавивший кафедру философии историко-филологического факультета Киевского университета Св. Владимира в 1887 г. после А. Козлова, до 1892 г. был единственным преподавателем философских дисциплин, и набор их был традиционным: история философии, логика, психология (каждый курс по три часа в неделю). В 1892 г. на кафедру пришел Г.И. Челпанов, взявший на себя преподавание логики и психологии. Понимая важность глубокого изучения психологии, А.Н. Гиляров и Г.И. Челпанов открывают в 1897 г. Психологический семинарий, где студенты занимались по желанию.

Как пишет исследователь истории философского образования в Украине М.Л. Ткачук [20, 21, 22], студент, стремящийся стать членом семинария, должен был показать осведомленность в том разделе философии, который собирался изучать, написать небольшую работу на одну из предложенных тем и продемонстрировать знания немецкого языка. Участвовало в семинарии не больше тридцати студентов. Философские дисциплины – психология, теория познания, этика – распределены были в трехгодичный цикл. За период 1897-1902 гг. прошло около ста заседаний Семинария.

С 1906 г. историко-филологический факультет имел в своем составе четыре отделения: классическое, славяно-русское, историческое и романо-германское; специальность «философия», где обучались будущие преподаватели философии, была на классическом отделении. Там изучали:

латынь, древнегреческий, историю Древней Греции, историю Древнего Рима (каждый курс – по семестру, 4 часа в неделю), российскую историю (8 часов в неделю), историю русской литературы (10 часов), историю древней философии (4 часа), логику, психологию, церковнославянский язык, историю русского языка, введение в сравнительное языкознание (каждый курс – 3 часа), для православных студентов богословие (4 часа), один из новых иностранных языков студент мог не слушать, но пройти экзамен. На следующем этапе будущих философов ждали: история древнегреческой литературы (6 часов), история римской литературы, греческая грамматика, латинская грамматика, греческий и латинский синтаксис, историю древнего искусства (все курсы в объеме 4 часов в неделю), сравнительное языкознание и санскрит или история западноевропейской литературы (10 часов). К тому же следовало изучить введение в философию (3 часа), историю средневековой и новой философии (4 часа), педагогику (4 часа), эстетику (1 час), работы Платона (4 час) и Аристотеля (4 часа), практические занятия (16 часов в неделю в течение четырех семестров). Диплом философа выдавался при условии прохождения испытаний по истории древней философии, истории средневековой и новой философии, педагогике, философии Платона, философии Аристотеля [20, 21, 22].

В духовных учебных учреждениях психология была представлена еще раньше, чем в светских. Так, например, в духовных семинариях в соответствии с программой философские предметы преподавались в таком порядке: «в III классе – введение в философию и логика, в IV психология, начальные основания философии и история философии. <...>. Введение в философию должно предшествовать изложению отдельных философских наук в виду общего логического требования от каждой отдельной науки – дать предварительно общее понятие о ее предмете и методе, указать ее части и отношение к другим соприкосновенным с нею областям. Логика изучается после введения и ранее других философских наук <...>. После логики... должна изучаться опытная психология: она должна показать психологическое образование тех основных идей, коими определяется наша умственная, нравственная и эстетическая жизнь и которые служат вместе с тем предметом философского умозрения» [26, с. 489]. История философии замыкала цикл пропедевтических дисциплин, и лишь после этого приступали к изучению начальных основ философии, «представляющих собой опыт положительного решения важнейших философских проблем» [там же].

В духовных академиях преподаванию психологии придавали большое значение, о чем говорит тот факт, что преподаватели кафедр психологии и

философии духовных академий занимались экспериментальной психологией и «ехали преимущественно в Лейпциг, в знаменитый институт экспериментальной психологии профессора Вильгельма Вундта, в Геттинген, в школу профессора Георга Мюллера, слушать Теодюля Рибо» [19, с. 289]. Поездки приват-доцента СПбДА В.С. Серебренникова (1892/93 уч.г.), профессора кафедры психологии МДА П.П. Соколова (1906/07 уч. г.), доцента кафедры психологии КДА И.П. Четверикова (1906/07, 1907/08 уч.гг.) «имели большое значение для изменения научной палитры в академиях – экспериментальная психология стала одной из наиболее популярных наук в студенческой среде. <...> от преподавателей требовались компетентность, умение объяснить студентам суть новых идей и концепций, ввести стихийный интерес в конкретные аудиторные формы и возглавить движение. Конечно, далее составления рефератов и их обсуждения студенты не шли, но интерес был несомненен» [там же, с. 290]. Были организованы студенческие кружки: в КазДА – философский кружок под руководством профессора метафизики В.И. Несмелова и профессора логики и психологии А.Н. Потехина (1897/98 уч.г.); в СПбДА – психологическое общество под руководством профессора психологии В.С. Серебренникова (1898/99 уч.г.) [18, с. 493].

После 1905 г., когда курс психологии был введен в гимназии, вопрос о преподавании психологии в них (а вслед за этим и в высших учебных заведениях России) встал особо остро [14, 16]. Университеты не готовили преподавателей психологии. По мнению Г.И. Челпанова, небольшое количество лиц, сдавших магистерский экзамен, или лиц, оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию, можно было найти для 2-3 гимназий [2, с. 208], но где взять преподавателей для провинциальных гимназий? Ученый комитет рекомендовал ориентироваться на воспитанников духовных академий, где «преподавание философии поставлено очень широко» [там же], но Г.И. Челпанов возражал: незнание естественных наук делает их беспомощными в преподавании философии и психологии. Более того, «преподавать психологию без знакомства с экспериментальной психологией... не представляется возможным. ...Экспериментальной психологии нельзя научиться по книгам – нужно самому проделать, по крайней мере, главные опыты, чтобы овладеть этой отраслью психологии» [там же, с. 209]. Он считал, что воспитанники духовных академий «могут лишь дискредитировать психологию и повести к ложному выводу» [там же, с. 210]. П.П. Кудрявцев, доцент по кафедре истории философии Киевской духовной академии, возражал Г.И. Челпанову: «что касается естествознания, то оно в духовных академиях действительно не изучается, и это очень жаль, но ведь оно не изучается и в

университетах на историко-филологических факультетах, – значит, в этом отношении окончивший историко-филологический факультет не преимуществует пред окончившим духовную академию. Нет при духовных академиях и специальных институтов для изучения экспериментальной психологии, ...но все ли русские университеты идут в этом отношении впереди академий?» [7, с. 143].

В университетах начинают «усиливать» психологические курсы: помимо лекционных занятий организуются семинары и просеминары, практикумы по экспериментальной психологии. Лекции по психологии начинают сопровождаться демонстрацией приборов, постановкой иллюстративных опытов, что в практике преподавания психологии было большим нововведением.

28 марта 1907 г. собрание студентов С.-Петербургского университета после доклада А. Левоневского «О расширении преподавания психологии в Университете» высказалось за желательность расширения преподавания психологии, за необходимость дать возможность желающим студентам свободно выбирать изучаемые дисциплины, за обсуждение этого вопроса профессорами и принятие ими решения [3, с. 381]. Студенты говорили о том, что «большинство оканчивающих университет, идет в учителя» [там же, с. 282], и следует расширить набор изучаемых курсов для тех, кто хотел специально изучать психологию: физиология с анатомией и гистологией, физика, химия, биология, сравнительная психология животных, психопатология, общие основы математического метода, логика, психология масс, сравнительная психология, психология детского возраста, педагогика и история педагогики, сравнительное языкознание, история искусств, общая теория права, история философии.

Насыщенность психологическими курсами была свойственна только философским отделениям историко-филологических факультетов. С 1907 г. историко-филологический факультет, «заметно выросший и в количественном, и в качественном отношении, разбился на 12 отделений, в числе которых было и философское. Хотя до выделения специалистов по психологии в самостоятельную психологическую группу дело не дошло, но все же входившие в философскую группу фактически различались между собой по уклону их интересов на философов и психологов. Студенты философской группы, помимо психологических и философских предметов, слушали ряд гуманитарных (история, литература, языки) и естественноведческих дисциплин (физиология, физика, химия и математика). Но такая нагрузка оказалась непосильной для студентов, и поэтому от обильного количества естественноведческих предметов пришлось отказаться; осталась общая

физиология, физиология нервной системы, а также курс психопатологии» [13, с. 48].

Выпускник историко-филологического факультета С.-Петербургского университета в 1914 г. получил диплом первой степени, где были отмечены дисциплины: логика, психология, введение в языкознание, греческий и латинский автр, философия и методология истории, история церкви, история Византии, история западно-европейской литературы, история искусства, история русской словесности, история древней философии, физика, всеобщая история, русская история, древняя история, средневековая история, новая история, история славян, история новой философии [15, 17].

По мнению В. Росинского, А.П. Нечаев первым «пробил первую брешь в университетской рутине» [12, с. 564]: на базе Педагогического музея в 1901 г. организовал первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии, где изучались проблемы педагогической психологии и развития личности. «В связи с реформой средней школы поднялись завещанные еще гуманистами вопросы о воспитании, об изучении психики учащихся, о рациональном обучении детей» [там же]. Лаборатория была оснащена многочисленными психологическими приборами на самом высоком уровне своего времени. Фирмой «Э. Циммерман» в Лейпциге по чертежам А.П. Нечаева были изготовлены тахистоскоп, механический хроноскоп, аппарат для изучения памяти, которые приобрели широкую известность. Ими пользовались многие исследователи.

В 1904 г. при Педагогическом музее военно-учебного ведомства были открыты педагогические курсы для повышения знаний по психологии учителей. Психология была поставлена здесь уже как самостоятельная наука, «основывающаяся на опыте, разрабатываемая и изучаемая не только лишь с помощью “глубокомыслия”, но в психологических лабораториях, обставленных вполне удовлетворительно точными приборами» [12, с. 565]. Задача обучения на курсах была исключительно практического характера и направлена на помощь общественному делу — воспитанию детей на вполне научных основах, так как здесь получали психологическую подготовку учителя, уже работающие в различных учебных заведениях.

А.П. Нечаев решительно возражал против подготовки психологов для народного образования исключительно в стенах классических университетов. Он задавался вопросом: «Прежде всего: почему подготовка преподавателей философских предметов должна происходить исключительно на филологических факультетах? Потому, что на них имеются кафедры философии? Только поэтому?» [8, с. 134]. Но ведь ясно, продолжает он, «что

при таком знакомстве из вторых (и притом филологических) рук с физиологией, математикой, физикой и астрономией может породить у будущего преподавателя большую склонность к верхоглядству. Кроме того, проф. Челпанов забывает, что в наших универси-тетах далеко не все профессора философии имеют достаточную естественнонаучную подготовку...» [там же, с. 135]. А.П. Нечаев утверждает, что серьезная подготовка философски и психологически образованных людей не ограничивается только открытием «философских отделений» и притом «без всяких материальных затрат». Следует командировать за границу молодых ученых для специальных занятий в психологических лабораториях, организовать психологические лаборатории при всех наших университетах. «А так как специальные занятия психологией при современном состоянии этой науки требуют громадной затраты сил, то необходимо учреждение при наших университетах особой кафедры психологии, которая должна предоставляться лицам с достаточно философской и естественнонаучной подготовкой», — заключает А.П. Нечаев [там же].

Следует отметить, что Г.И. Челпанов и А.П. Нечаев сходились в вопросе о том, что для развития психологии как самостоятельной науки необходима кафедра: «из всех философских дисциплин психология развита у нас наименее», и поясняет причину этого: «Прежде всего, Устав 1863 г. привел к тому, что наш современный университет представляет собою неудачное соединение ученых задач с учебными, с настолько сильным преобладанием учебного характера, что ученые задачи оказались совершенно отодвинутыми на задний план. Вследствие преобладающего учебного характера наших университетов психология никогда не занимала самостоятельного положения и в настоящее время занимает место в университете только лишь как учебный предмет на историко-филологическом факультете, который изучают будущие педагоги, между тем как психология должна была бы иметь самостоятельное значение научной дисциплины, для которой должна была бы существовать отдельная кафедра» [24, с. 222].

В России не было опыта создания экспериментальных институтов или больших лабораторий мирового уровня, и «летом 1910 г. вместе с доцентом Московского университета Г.Г. Шпеттом Челпанов специально ездил в Германию для подробного ознакомления с организацией занятий в крупнейших психологических лабораториях нескольких университетов — в Берлинской лаборатории проф. Штумпфа, в Боннской лаборатории проф. Кюльпе, в Вюрцбургской — проф. Марбе. В изучении опыта работы немецких психологических центров ему содействовали Рупп и Бюлер. Тогда же он

беседовал о своем проекте создания института с Вундтом и Марбе, советами которых воспользовался при окончательной корректировке проекта» [25, с. 120]. Весной 1911 г. Г.И. Челпанов поехал в США по приглашениям Титченера, Кэттела, Мюнстерберга и Джудда «для изучения постановки дела в американских психологических институтах и подробнейшим образом ознакомился с опытом работы девяти пси-хологических институтов в наиболее солидных университетах – Гарвардском, Корнелльском, Колумбийском, Йельском, Чикагском, Мичиганском и др. В это же время он осмотрел несколько педагогических институтов и получил приглашение на съезд по экспериментальной психологии в Итаке» [там же]. Таким образом, имея исчерпывающую информацию о состоянии мировой экспериментальной психологии и собственный богатый опыт руководства созданными им лабораториями и психологическими семинариями, он создал лучший для своего времени Психологический институт. Сам Институт представлял собой «прекрасное здание в три этажа, не считая полуподвального. Нижний этаж использован для аудитории на 300 слушателей, библиотеки института, а также различных вспомогательных помещений – кабинета директора, приемной и пр. В остальных, кроме малой аудитории, где ведется практикум, помещаются 28 отдельных кабинетов, специально приспособленных для научных занятий. Так, например, целый ряд комнат составляют акустический отдел, из которых одна обнесена двойными стенами, внутри переложенными пробковыми слоем. Один из кабинетов приспособлен для пользования кимографом. Особой системы распределительная доска позволяешь иметь в каждом кабинете токи различного напряжения. Внизу помещаются мастерские, служащие не только для починки, но и создания новых приборов. Институт обладает богатым собранием психологических приборов, как для научных работ, так и для целей преподавания» [4, с. 70].

В Москве были еще экспериментальные площадки – в виде лабораторий, занимавшиеся изучением психики ребенка.

В 1907 г. образовалась лаборатория Московского Педагогического Собрания под влиянием лекционной комиссии Собрания в 1906/7 уч. г. – почти весь этот год А.П. Нечаевым и А.Ф. Лазурским, приехавшими из Петербурга, читались лекции по экспериментальной педагогике и психологии. Они имели большой успех и возбудили интерес к научно поставленным опытам в области психологии, и указали на отсталость Москвы, как научного центра, от Петербурга. В результате осенью 1907 г. была открыта лаборатория как для учащихся некоторых высших учебных заведений Москвы, так и для преподавателей психологии и просто частных лиц, интересующихся

экспериментальной психологией и педагогикой. Руководителем был приглашен приват-доцент Московского университета А.Н. Бернштейн. Позже в качестве ассистента к нему приглашен доктор Т.Ф. Богданов. Под лабораторию отведены были две комнаты в верхнем этаже помещения Собрания.

Фактически новая лаборатория открыла свою деятельность 19 февраля 1908 г. Первыми сотрудниками стали учительницы городских школ, разрабатывающие вопросы о восприятии, осмысляющей и комбинаторной способности детей различных возрастов на основании по анкетных (опросных) и экспериментальных приемов, выработанных в школе Нечаева или под ее влиянием. Постепенно из-за границы прибывали аппараты, формировалась библиотека. Уже в 1908/9 уч.г. занятия в Лаборатории доведены были до полного объема, который они сохраняли потом вплоть до 1911/12 г., т.е. до конца первого периода деятельности лаборатории. Главное их ядро составили учебно-образовательные занятия.

Осенью 1911 г. деятельность лаборатории закончилась в связи с закрытием самого Педагогического Собрания.

Летом 1912 г. Лаборатория вновь заработала, из старых работников привлекли Ц.П. Балталона, который, к сожалению, скончался в 1913 г. К старым сотрудникам присоединились новые лица – университетские деятели, просто лица, интересовавшиеся экспериментальной психологией, группы слушательниц Педагогических Высших Женских Курсов. Вновь начавшую деятельность Лаборатории вскоре приостановила война, почти все помещения были отданы на нужды войны, под лазарет и помещение для беженцев.

Только с осени 1916 г. Лаборатории возвратили ее помещение, где можно были проводить только вводный курс для небольшого числа лиц и лабораторные занятия. Было признано перспективным проведение лабораторных работ по исследованию влияния темпа на работу и о связи типов реакций с особенностями эргографической кривой (на примере взрослых), а также изучение юношеского возраста [6].

В 1912 г. группа профессоров, среди которых был профессор Г.И. Россолимо, покинула Московский университет, и для Россолимо это событие стало поводом для основания собственного частного научного Института детской психологии и неврологии, ставшего время вспомогательным учреждением при кафедре патологической педагогики Московских женских Педагогических курсов, консультирующим органом для убежища св. Марии для неизлечимых детей, некоторых городских вспомогательных школ, некоторых средних учебных заведений, городских очагов для беженцев, приютов для юных добровольцев, мировых судов для малолетних

преступников и др. Имея в своем составе отделы: 1. музей нормальной и патологической анатомии с его микро и макроскопическими коллекциями, коллекциями черепов нормальных и ненормальных различных возрастов внутри и внеутробной жизни ребенка, с его муляжами, слепками, фотограф. диапозитивами, атласами, таблицами и др.; анатомическая лаборатория с необходимыми приборами; 2. кабинет для клинического исследования нервной системы и для антропометрии; 3. коллекция фотографий, диа-позитивов и кинематограмм дефективных детей, нервно- и психически боль-ных, электрический волшебный фонарь и кинематограф; 4. психологическая лаборатория; 5. педагогический и психологический музей, Институт решал задачи: пропаганда идей нормальной и патологической педологии, подготовка учителей и учительниц для вспомогательных школ и приютов, а также врачей-педагогов и специалистов по нервным и душевным болезням детского возраста и научная разработка соответствующих вопросов.

Почти ежедневно производился амбулаторный прием детей умственно-недостаточных, неустойчивых, нервно- и душевнобольных, вообще нуждающихся в медицинских и педагогических советах, а также детей исключительно одаренных, о которых собирался подробный анамнез, показания родителей и воспитателей, и дети всесторонне обследуются. В Институте постоянно велись чисто-научные работы, а врачи, педагоги и слушатели обучались психологическим и клиническим методам исследования, периодически устраивались конференции с докладами на специальные темы и реферирование статей по текущей литературе [1].

В 1907 г. в С.-Петербурге открылся Психоневрологический институт, высшее учебное и научное учреждение, целью которого было всестороннее изучение человека и построение прикладных дисциплин для целей педагогики, медицины и криминологии. Как вспоминал студент этого института, А.Р. Палей, впоследствии – советский писатель-фантаст, «это было весьма оригинальное учебное заведение, и название отнюдь не дает полного представления о его подлинном характере. То был настоящий университет с различными факультетами – как естественноведческими, так и гуманитарными. Только университет не государственный, а основанный общественными организациями. Программы и порядок обучения в нем были направлены на то, чтобы воспитывать не узких, а всесторонне образованных специалистов. Поэтому курс обучения продолжался на год более, чем в государственных университетах. Чтобы закончить медицинский факультет, требовалось не пять, а шесть лет. Первый курс был общеобразовательным – будущие врачи проходили гуманитарные предметы. Программа юридического факультета

укладывалась не в четыре, а в три года – за счет интенсивности занятий. Но перед этим надо было пройти два годовых курса общеобразовательных предметов. Будущие юристы знакомились также с анатомией, физиологией, только в объеме не медицинских факультетов, а фельдшерских школ. Курс же русской литературы был обязателен для всех факультетов. Но и название института – психоневрологический – было совсем не случайным. Недаром одним из его главных руководителей был академик В. М. Бехтерев» [10, с. 267].

Профессор Н.И. Кареев в одной из речей отмечал большое значение психологии для института: «институт называется психоневрологическим, в нем психологии принадлежит одно из центральных мест, и вместе с тем в его программу входят, как науки биологические, к которым психология примыкает одной своей стороною, так и науки социальные, с которыми психология соприкасается другой своей стороною. Можно даже сказать, что психология занимает именно промежуточное место между изучением мира природы и мира человека, взятого в его духовных и общественных проявлениях, иначе мира человеческой культуры в ее прошлом и настоящем» [5, с. 78]. Действительно, обучение в институте было проникнуто «здоровым научным психологизмом» [там же, с. 88].

Предметы, вошедшие в программу института, разделялись на основные и специальные. Основные предметы читались на первых двухгодичных курсах, и в них входили на I курсе: 1) анатомия, 2) физиология, 3) химия, 4) физика, 5) общая биология с учением о наследственности, б) общая психология, 7) сравнительная психология, 8) введение в философию, 9) логика, 10) новейшая история, 1) история литературы, 12) общая социология и 13) математика; а на II курсе: 1) анатомия нервной системы, 2) физиология нервной системы, 3) гистология нервной системы, 4) психофизиология органов чувств, 5) антропология, 6) экспериментальная психология, 7) история культуры, 8) история искусств, 9) политическая экономия, 10) общая теория права, 11) общая теория государства. Специальные предметы читались на I курсе в течение одного года и распределены на четыре секции: 1) психологическую, 2) педагогическую, 3) криминальную и 4) медицинскую.

В психологическую секцию входили: 1) индивидуальная психология, 2) общественная психология, 3) психология народов, 4) общее языкознание, 5) сравнительное языкознание, 6) методология наук, 7) генеалогия, 8) этика, 9) эстетика, 10) история философии, 11) физиология и патология речи, 12) умственная гигиена, 13) уголовная антропология с психологией преступника. Особое внимание было обращено на изучение гипноза и на лечение им.

Президентом института был известный ученый, академик В.М. Бехтерев. В число слушателей принимались лица обоего пола со средним образованием. Психоневрологический институт Бехтерева одним из первых в истории высшей школы воплощал концепцию интеграции науки, образования и практической деятельности. Гармоничное сочетание естественнонаучного и гуманитарного знания, теоретического и практического изучения научных проблем составляло специфику образовательной деятельности вуза. В институте успешно занимались научной работой и преподавали В.М. Бехтерев, А.П. Нечаев, М.М. Кова-левский, И.А. Бодуэн де Куртенэ.

В сентябре 1907 г. один из видных общественных деятелей и благотворителей В.Т. Зимин пожертвовал 52 тысячи рублей на организацию при институте учреждения для «изучение человека как предмета воспитания» и передал институту небольшой интернат, устроенный им самим для той же цели. Этот Педологический институт имел следующие цели: «1. Научную: а) всесторонне изучить привоуду развивающегося человека со дня рождения; б) проверить правильность существующих педагогических взглядов и выработать рациональную систему воспитания и обучения. 2. Воспитательную: дать детям, своим воспитанникам, помимо гигиенически обставленного помещения, пищи и одежды, правильное, соответствующее особенностям детского организма и индивидуальным свойствам отдельных детей, физическое и психическое воспитание и обучение. 3. Просветительную: содействовать, совместно с педагогическим отделением Психоневрологического института, лицам, желающим работать по педагогике и педологии, в получении ими законченного педагогического и педологического образования, а также распространять в обществе, путем специальных курсов, консультаций показательных музеев и научно-популярных изданий, правильные понятия о природе ребенка и его физическом и психическом воспитании» [9, с. 61]. Изучать ребенка следовало психологам, педагогам и врачам совместно, поэтому деятельность Института разделяется на три отдела: 1) психологический, 2) гигиенический и физиологический, 3) педагогический. В институт принимались дети с первых дней после рождения и притом совершенно здоровые, так как целью института было изучение и воспитание нормального ребенка.

При психологических исследованиях применялись объективные методы: а) дневник психологической жизни воспитанников Института (описание постепенного развития их психики на основании систематических наблюдений и простейших опытов); б) специальные исследования, касающиеся отдельных вопросов психологии развивающегося человека; в) составление на основании

специальных работ, психологического и педагогического дневника, характеристик психической индивидуальности детей.

Научная деятельность Института развивалась медленно, т.к. не было достаточных средств и приспособленного помещения. В первое время своего существования он помещался в наемной квартире в очень скромной обстановке. В одной из комнат была устроена маленькая психологическая и физиологическая лаборатория – постепенно приобретались необходимые приборы и пособия. Но благодаря постоянным заботам академика В.М. Бехтерева Педологический институт получил ряд пожертвований, особенно в 1911 г. Тогда, же по ходатайству академика В.М. Бехтерева Министерство Народного Просвещения ассигновало на постройку здания для Института 28 тысяч руб.

Здание Института, общей стоимостью свыше 95 тысяч рублей, было закончено постройкой в 1912 г., в 1913 г. Педологический Институт из частной квартиры был переведен в собственное помещение и таким образом, получил возможность шире развить свою научную деятельность. Уже с 1907 г. в лаборатории Института работали врачи, психологи и педагоги над различными вопросами детской психологии, физиологии и медицины, и с этих пор из лаборатории его ежегодно выходили научные труды. С 1913 г. с расширением лаборатории при переходе в собственное здание, были привлечены к работам в Институте и студенты Психоневрологического Института, состоявшие на Педагогическом отделении последнего и интересующиеся вопросами детской и педагогической психологии, экспериментальной и прикладной педагогики.

К 1917 г., за 9 лет существования Института из лаборатории его вышло 15 научных трудов по вопросам физиологии и психологии ребенка и сверх того, в связи с его деятельностью, напечатано около 20 работ [9].

В Киеве одним из мест, где можно было заняться экспериментальной психологией, была педологическая лаборатория при Фребелевском обществе. Начав свою просветительную и педагогическую деятельность с 1870-х гг., общество стало организовывать отделения, самыми большими были отделения в С.-Петербурге и в Киеве. При Киевском Фребелевском обществе, основанном в 1908 г., даже создали Фребелевский женский педагогический институт с обучением в течение трех лет, откуда выходили высококвалифицированные воспитательницы (опорные детские сады, проводились консультации и летние курсы по дошкольному воспитанию). Во время войны фребелички (так назывались слушательницы курсов) взяли на себя заботы о беженцах, которых в Киеве было множество.

Педологическая лаборатория имела 4 отделения (психологическое, педагогическое, отделом патологической педагогики и антропометрическое). Осенью 1915 г. институт эвакуировали в Саратов, а когда осенью 1916 г. институт вернулся в Киев, то не нашел уже подходящего помещения. Тем не менее, в институте был хороший психологический инструментарий, приспособленный больше для демонстраций. Там велись занятия по экспериментальной психологии и по педагогике, открывались выставки по детскому творчеству, по работам служительниц и т.п. В 1917 г. при Институте открылись курсы по внешкольному образованию [23].

Война прервала работу тех экспериментальных лабораторий, расположенных в западной части России, а потом и революционные события вместе с последующей гражданской войной.

Список литературы:

1. А.Ш. Институт детской психологии и неврологии в Москве // Психология и дети. 1917. № 1. С. 72-74.
2. З-ский В.В. О постановке преподавания философской пропедевтики в средней школе. Доклад Г.И. Челпанова // Педагогическая мысль. 1904. Вып. II. С. 202-216.
3. Заявление, внесенное группой студентов в Совет профессоров Санкт-Петербургского университета // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. III. С. 381-390.
4. И.Т. Психологический институт имени Л.Г. Щукиной при Императорском московском университете // Психология и дети. 1917. № 1. С. 70-72.
5. Кареев Н.И. О значении психологии для общественных наук // Журнал психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. № 1 (9). С. 78-88.
6. Каэлас Ал. Психологическая лаборатория Московского Педагогического Собрания // Психология и дети. 1917. № 5. С. 61-64.
7. Кудрявцев П. К вопросу о введении в гимназиях пропедевтического курса философии // Труды Киевской духовной академии. 1905. – Т. 1. С. 133-148.
8. Нечаев А.П. К вопросу о преподавании психологии в средней школе (По поводу доклада Г.И. Челпанова) // Книжки педагогической психологии /под ред. А.П. Нечаева. СПб., Кн. 2. 1905.
9. Петроградский Педологический Институт // Психология и дети. 1917. № 2. С. 60-65.

10. Прашкевич Г. Красный сфинкс. История русской фантастики от В.Ф. Одоевского до Бориса Штерна. – Новосибирск: Издательство «Свинья и сыновья», 2007. – 600 с.
11. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
12. Росинский В. Психология в России // Вестник знания. 1908. № 4. № 5. С. 562-566.
13. Рыбников Н.А. Психология как предмет преподавания (в высшей дореволюционной школе) // Советская педагогика. 1943. № 4. С. 42-49.
14. Стоюхина Н.Ю. Дифференциация психологического знания в высших учебных заведениях России начала XX века // Высшее образование сегодня. 2008. № 8. С. 32-35.
15. Стоюхина Н.Ю. Жизнь и научное творчество С.М. Василейского. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. 156 с.
16. Стоюхина Н.Ю. Подготовка учителей психологии: исторический и современный контекст // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 53-55.
17. Стоюхина Н.Ю., Кандыбович Л.А. Психотехники Беларуси: имена и судьбы 920-30-е гг. XX ст.). Минск: Тесей, 2009. 328 с.
18. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 658 с.
19. Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX-начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 676 с.
20. Ткачук М.Л. З історії університетської філософії в Києві: психологічна семінарія Г.І. Челпанова // Наукові записки. Том 20, Спеціальний випуск: у двох частинах. Частина 1 / Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ: КМ «Academia», 2002. 277 с. С. 82-87.
21. Ткачук М.Л. Як вивчали історію філософії в Університеті Св. Володимира // Магістеріум. 2006. Вып. 13. С. 65-74.
22. Філософська освіта в Україні і: історія і сучасність: Колективна монографія / за ред. М.Л. Ткачук. К.: ТОВ «Аграр Медіа Груп», 2011. 419 с.
23. Фребелевское Общество в Киеве // Психология и дети. 1917. № 5. С. 59-61.
24. Челпанов Г.И. О положении психологии в русских университетах // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. IV. С. 211-223.
25. Чернов А.П. Первый русский институт экспериментальной психологии (люди, факты, события) // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 2. С. 117-127.
26. Школа и жизнь // Христианское чтение. 1897. № 3. С. 481-499.

References:

1. A.Sh. Institut detskoj psihologii i nevrologii v Moskve // Psihologija i deti. 1917. № 1. S. 72-74.
2. Z-skij V.V. O postanovke prepodavanija filosofskij propedevtiki v srednej shkole. Doklad G.I. Chelpanova // Pedagogicheskaja mysl'. 1904. Vyp. II. S. 202-216.
3. Zajavlenie, vnesennoe gruppoj studentov v Sovet professorov S-Peterburgskogo universiteta // Voprosy filosofii i psihologii. 1907. Kn. III. S. 381-390.
4. I.T. Psihologicheskij institut imeni L.G. Shhukinoj pri Imperatorskom moskovskom universitete // Psihologija i deti. 1917. № 1. S. 70-72.
5. Kareev N.I. O znachenii psihologii dlja obshhestvennyh nauk // Zhurnal psihologii, kriminal'noj antropologii i pedologii. 1912. № 1 (9). S. 78-88.
6. Kajelas Al. Psihologicheskaja laboratorija Moskovskogo Pedagogicheskogo Sobranija // Psihologija i deti. 1917. № 5. S. 61-64.
7. Kudrjavcev P. K voprosu o vvedenii v gimnazijah propedevticheskogo kursa filosofii // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. 1905. – T. 1. S. 133-148.
8. Nechaev A.P. K voprosu o prepodavanii psihologii v srednej shkole (Po povodu doklada G.I. Chelpanova) // Knizhki pedagogicheskoi psihologii /pod red. A.P. Nechaeva. SPb., Kn. 2. 1905.
9. Petrogradskij Pedologicheskij Institut // Psihologija i deti. 1917. № 2. S. 60-65.
10. Prashkevich G. Krasnyj sfinks. Istorija ruskoj fantastiki ot V.F. Odoevskogo do Borisa Shterna. – Novosibirsk: Izdatel'stvo «Svin'in i synov'ja», 2007. – 600 s.
11. Psihologicheskaja nauka v Rossii HH stoletija: problemy teorii i istorii. Pod red. A.V. Brushlinskogo. – M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. – 576 s.
12. Rosinskij V. Psihologija v Rossii // Vestnik znaniya. 1908. № 4. № 5. S. 562-566.
13. Rybnikov N.A. Psihologija kak predmet prepodavanija (v vysshej dorevoljucionnoj shkole) // Sovetskaja pedagogika. 1943. № 4. S. 42-49.
14. Stojuhina N.Ju. Differenciacija psihologicheskogo znanija v vysshih uchebnyh zavedenijah Rossii nachala HH veka // Vysshee obrazovanie segodnja. 2008. № 8. S. 32-35.
15. Stojuhina N.Ju. Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo S.M. Vasilejskogo. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo NGPU, 2007. 156 s.
16. Stojuhina N.Ju. Podgotovka uchitelej psihologii: istoricheskij i sovremennyj kontekst // Vysshee obrazovanie segodnja. 2007. № 9. S. 53-55.
17. Stojuhina N.Ju., Kandybovich L.A. Psihotehniki Belarusi: imena i sud'by 920-30-e gg. HH st.). – Minsk: Tesej, 2009. – 328 s.
18. Suhova N.Ju. Vysshaja duhovnaja shkola: problemy i reformy (vtoraja polovina HH v.). – M.: Izd-vo PSTGU, 2012. – 658 s.

19. Suhova N.Ju. Sistema nauchno-bogoslovskoj attestacii v Rossii v HИH-nachale HИH v. – M.: Izd-vo PSTGU, 2012. – 676 s.
20. Tkachuk M.L. Z istorii universitetskoї filosofii v Kievi: psihologichna seminarshja G.I. Chelpanova // Naukovi zapiski. Tom 20, Special'nij vipusk: u dvoh chastinah. Chastina 1 / Nacional'nij universitet «Kievo-Mogiljans'ka akademija». Kiiv: KM «Academia», 2002. – 277 s. S. 82-87.
21. Tkachuk M.L. Jak vivchali istoriju filosofii v Universitete Sv. Volodimira // Magisterium. 2006. Vyp. 13. S. 65-74.
22. Filsofs'ka osvita v Ukraїn i: istorija i suchasnist': Kolektivna monografija / za red. M.L. Tkachuk. – K.: TOV «Agrar Media Grup», 2011. – 419 s.
23. Frebelevskoe Obshhestvo v Kieve // Psihologija i deti. 1917. № 5. S. 59-61.
24. Chelpanov G.I. O polozenii psihologii v russkih universitetah // Voprosy filosofii i psihologii. 1912. Kn. IV. S. 211-223.
25. Chernov A.P. Pervyj russkij institut jeksperimental'noj psihologii (ljudi, fakty, sobytija) // Psihologicheskij zhurnal. 1983. T. 4. № 2. S. 117- 127.
26. Shkola i zhizn' // Hristianskoe chtenie. 1897. № 3. S. 481-499.

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)